

Анна МАТВЕЕНКО

Донецк

Член Союза писателей ДНР и Межрегионального союза писателей. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в Донецкой Народной Республике, Республике Крым и Российской Федерации, была лауреатом нескольких литературно-художественных конкурсов. Участник и финалист конкурсов фантастических рассказов на основе интернет-платформы «Лаборатория Фантастики».

ПОСЛЕДНИЙ

Павлу Леонидовичу было нехорошо. Да что там! Откровенно погано ему было! Сердце толкалось в бок, то срываясь в

стакато, то почти замирая. Полежать бы подольше в кровати, подремать под успокоительный посвист синиц, копошащихся в густом сиреннике под окнами, да куда там. В такой день лежать нельзя, в строю он, в строю, старый солдат!

Вон уже и внучка пару раз в двери заглянула. Будить не будила, вроде и есть время ещё, но бдит: не проспит ли дед свой главный праздник?

Дед давно не спал. Лежал, прикрыв тонкие веки, через которые просвечивало майское солнце. Слушал синиц и своё сердце. Думал. Вспоминал. Раньше в этот день он подхватывался ни свет ни заря сам, быстро завтракал, целовал улыбающихся родных и спешил в центр, на площадь, к друзьям. Пели песни, выпивали законные сто граммов, шли, счастливые, в колонне сияющих людей...

С каждым годом их становилось всё меньше. Бежать радостно на площадь теперь не получалось. Его стали бережно приводить, потом — привозить на комфортной легковушке, и он уже не шёл в колонне, а сидел на трибуне, рядом с другими седыми мужчинами и женщинами, среди которых он почти не видел знакомых лиц. А потом и совсем не видел...

Годы всё шли, и сил, чтобы спуститься со второго этажа, не стало. Он смотрел праздник по телевизору, среди родственников. Их тоже оставалось всё меньше. В горькое сентябрьское утро не проснулась жена. Сгорел от рака зять — ликвидатор Чернобыля. Истаяла вслед за ним дочь... Внучка с мужем да разъехавшиеся по городам и весям правнуки — родная кровь, растёкшаяся по большой стране.

Но он жил. Стиснув зубы, преодолевал свою старческую немощ. Он всегда был упрямым и везучим. И тогда, много лет назад, в страшной мясорубке Великой войны, выжить ему, безусловно молодому пехотинцу, помогли упрямство и везение. Упрямство помогало копать тяжёлую волглую землю, когда они, голодные, рыли окопы под Ленинградом. Везение не дало погибнуть, когда он поднимался в атаку с надсадным криком: «За Родину! За Сталина!» — и довело его до Берлина.

Он часто думал: пережить своих друзей и близких — везение или испытание? И упрямство отвечало: «Не думай об этом. Просто держись!»

Он держался. А вчера ему сказали, что он, такой упрямый, остался один во всём городе. И не он теперь пойдёт на праздник. Праздник сам придёт к нему.

И сердце впервые больно толкнуло в бок...

Покряхтывая, Павел Леонидович встал и полегоньку, опираясь на палочку, побрёл в ванную — приводить себя в порядок. Внучка увидела, заахала, закрутилась вокруг, охорашивая. Внучкин муж принёс пиджак, тяжёлый от наград, помог накинуть на плечи, усадил почтительно в удобное кресло. Предложили позатракать — отказался. Выпил только горячего крепкого чая.

И началось. Мэр города, глава администрации района, представители разных организаций благотворительных, журналисты. Телевидение... Подарки, вопросы:

— А о чём вы чаще всего думали в то время?

— А что вам больше всего запомнилось?

— Расскажите о ваших наградах, пожалуйста!

— А что вы хотели бы сказать современной молодёжи?

И что им сказать? Что, когда лежишь под артобстрелом, вообще ни о чём не думаешь? Только губы беззвучно шепчут «Отче наш»? Что запомнилось, как десятого мая лучший друг, с которым прошёл всю войну и который даже ранен не был, погиб в Берлине от пули пацанёнка из гитлерюгенда? Что не юбилейными орденами он дорожит, а медалью «За оборону Ленинграда»? Как объяснишь им, сытым, почему? Что тут скажешь современной молодёжи? Поймут ли?

Отделался общими фразами. Журналисты, отворачиваясь, недовольно поджимали губы, администрация сияла улыбками на камеры.

А потом началось самое главное: он стоял на балконе и принимал военный парад. Он! Принимал! Парад!

Они шли мимо обычного пятиэтажного дома чётким строем: курсанты военного училища в парадной форме, подразделения МЧС и внутренних войск, военный оркестр. Их лица, поднятые к последнему из свидетелей Великой Победы, светились гордостью. Они были лучшими из лучших.

И вот тут-то плечи Павла Леонидовича расправились. И награды сделались невесомыми. И рука, поднятая к старой, застиранной пилотке со звёздочкой, не дрожала.

Он отдавал честь молодым. И гордился этой честью.

...Отзвучали марши, укатили со своей аппаратурой телевизионщики, почтительно откланялись городские начальники. Вздыхая с облегчением, сели за стол. Неизменные в этот день сто грамм, чёрный хлеб, каша — внучка знала, чем угодить любимому деду. Не первый год вместе! Поцеловала, пригладила седые кудри.

— Отдохнуть хочешь?

Павел Леонидович устало кивнул.

— Ладно, деда. Если что, зови.

Тихо вышла, прикрыв дверь. Под окном снова раскричались успокоившиеся после шумного утра синицы. На площадке раздавался детский смех. «Хорошо, что я такой упрямый и дожил до этого дня, — думал старик. — Нужно, чтобы эти, нынешние, помнили о нас. А вот то, что я рассказать толком ничего не сумел, — плохо... Да вот только как о таком расскажешь?»

Вздыхнул, завозился, устраиваясь поудобнее в кресле...

Но сердце вдруг резко ударило под рёбра, и стало горячогорячо... И странно тихо...

— Эй, ты чего расселся? — погибший в Берлине Сашка стоял у двери и солнечно улыбался. Как тогда, десятого мая сорок пятого. — Пошли, слышишь, Валёк «Катюшу» запеваает!

— Саня... Живой... — Павел неожиданно легко поднялся и шагнул к однополчанину. — Но я же тебя сам схоронил, в Шенхольцере... А Валентин под Прагой на mine подорвался...

— Да? — брови Сашки удивлённо-весело поползли вверх. — А я как-то и не заметил! Пошли, я же говорю, тебя только и ждут!

— Кто ждёт? — Паша взял Санька за руку. Рука была тёплой и крепко сжала его пальцы.

— Все наши. Смотри! — и Александр, лучший из его друзей, широко распахнул дверь в бессмертие...